

Постановление Конституционного Суда РФ от 20 июля 2021 г. N 38-П "По делу о проверке конституционности части шестой статьи 34 Федерального закона "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений" в связи с жалобой гражданина Р.Р. Идиятдинова"

Именем Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, Г.А. Гаджиева, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, В.Г. Ярославцева,

с участием представителя гражданина Р.Р. Идиятдинова - адвоката А.Д. Передрука, полномочного представителя Совета Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации А.А. Клишаса, полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации А.В. Коновалова,

руководствуясь статьей 125 (пункт "а" части 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации",

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности части шестой статьи 34 Федерального закона "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений".

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина Р.Р. Идиятдинова. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителем законоположение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Ю.Д. Рудкина, объяснения представителей сторон и выступления приглашенных в заседание представителей: от Министерства юстиции Российской Федерации - Д.В. Новака, от Генерального прокурора Российской Федерации - В.В. Росинского, от Федеральной службы исполнения наказаний - В.Ю. Панченко, от Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации - С.А. Голубка, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

установил:

1. Часть шестая статьи 34 "Охрана подозреваемых и обвиняемых и надзор за ними" Федерального закона от 15 июля 1995 года N 103-ФЗ "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений" предусматривает, что при наличии достаточных оснований подозревать лиц в попытке проноса запрещенных предметов, веществ и продуктов питания сотрудники мест содержания под стражей вправе производить досмотр их вещей и одежды при входе и выходе с территорий мест содержания под стражей, а также досмотр въезжающих и выезжающих транспортных средств, изъятие предметов, веществ и продуктов питания, запрещенных к хранению и использованию подозреваемыми и обвиняемыми; не подвергаются досмотру вещи и одежда лиц, в производстве которых находятся уголовные дела подозреваемых и обвиняемых и которые обладают правом контроля и надзора за местами содержания под стражей.

Конституционность приведенной нормы оспаривает гражданин Р.Р. Идиятдинов, который, будучи адвокатом, 4 апреля 2019 года посетил следственный изолятор (ФКУ СИЗО-3 УФСИН России по Республике Татарстан). Как следует из представленных заявителем судебных решений, пройдя через рамку металлодетектора при входе в режимное здание и сдав на контрольно-пропускном пункте сотовый телефон, запрещенный к использованию в режимной зоне, Р.Р. Идиятдинов направился в помещение, отведенное для встречи с подзащитным. При

прохождении в это помещение он был остановлен младшим инспектором, который, заподозрив, что в кармане адвоката лежит телефон, предложил осмотреть предметы, находящиеся при адвокате. Требование Р.Р. Идиятдинова сообщить ему правовые и фактические основания досмотра и составить соответствующий протокол не было удовлетворено.

Заявитель, полагая, что процедурой проведенного досмотра нарушены его права, обратился в прокуратуру, а затем обжаловал действия администрации следственного изолятора в порядке административного судопроизводства, требуя признать неправомерным его досмотр без составления протокола и обязать администрацию сохранить запись с камер видеонаблюдения, расположенных на территории изолятора, и файлы видеозаписи, сделанной нагрудным видеорегистратором сотрудника, проводившего досмотр. Прокурор, проводивший проверку, пришел к выводу, что администрация следственного изолятора действовала в рамках закона. Бугульминский городской суд Республики Татарстан решением от 14 августа 2019 года в удовлетворении административного искового заявления отказал, с чем согласились вышестоящие суды ([апелляционное определение](#) Верховного Суда Республики Татарстан от 20 декабря 2019 года, кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 28 апреля 2020 года, определение судьи Верховного Суда Российской Федерации от 2 октября 2020 года и письмо заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2020 года).

Не согласившись с доводами Р.Р. Идиятдинова, суды сослались на [часть шестую статьи 34](#) Федерального закона "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений" и на приказ Министерства юстиции Российской Федерации, которым утвержден порядок проведения досмотров в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы и на прилегающих к ним территориях с режимными требованиями, предписывающий составлять протокол досмотра только в случае изъятия запрещенных предметов у граждан. Не принята во внимание и ссылка заявителя в кассационной жалобе на [Определение](#) Конституционного Суда Российской Федерации от 6 марта 2008 года N 428-О-П, в котором указано, что не допускается личный досмотр адвоката, оказывающего юридическую помощь осужденному к лишению свободы, без достаточных фактических оснований, свидетельствующих о его намерении пронести в исправительное учреждение запрещенные предметы, без принятия администрацией исправительного учреждения мотивированного решения о личном досмотре и без письменной фиксации хода и результатов соответствующих действий.

В этой связи Р.Р. Идиятдинов утверждает, что оспариваемая норма по смыслу, придаваемому ей подзаконным нормативным актом и судебной практикой, противоречит статье 55 ([части 2 и 3](#)) Конституции Российской Федерации, поскольку на ее основе находящийся на территории следственного изолятора адвокат, осуществляющий свои профессиональные обязанности по оказанию юридической помощи подозреваемому или обвиняемому, подвергается повторному (после первого - при входе в изолятор) личному досмотру без составления и вручения этому адвокату протокола, в котором были бы отражены причины досмотра, зафиксированы его ход и результаты. Кроме того, по мнению заявителя, оспариваемая норма без достаточных к тому оснований устанавливает неравенство защитников подозреваемых и обвиняемых, допуская их личный досмотр, по сравнению с лицами, осуществляющими уголовное преследование, личный досмотр которых не допускается.

1.1. Во втором предложении [части шестой статьи 34](#) Федерального закона "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений" предусмотрено, что не подлежат досмотру вещи и одежда лиц, в производстве которых находятся уголовные дела подозреваемых и обвиняемых и которые обладают правом контроля и надзора за местами содержания под стражей. Как следует из судебных решений по делу Р.Р. Идиятдинова, вопрос о нарушении своих прав в данном аспекте он перед судом не ставил, а потому проверка Конституционным Судом Российской Федерации конституционности этой нормы фактически означала бы ее проверку в порядке абстрактного нормоконтроля, что в силу [статей 96 и 97](#)

Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" недопустимо.

1.2. В ходе слушания по настоящему делу представитель заявителя дополнительно поставил под сомнение саму возможность применения досмотра в отношении адвоката. Между тем в конкретном деле заявителя вопрос о принципиальной невозможности досмотра адвоката не ставился и судом не разрешался. Заявитель настаивал лишь на необходимости надлежащей фиксации оснований, хода и результатов соответствующих действий. Следовательно, оценка оспариваемой нормы в данном аспекте была бы выходом за пределы конкретного нормоконтроля.

При этом допустимость досмотра адвоката на территории учреждений, исполняющих наказания, и на прилегающей к ним территории, где установлены режимные требования, уже констатирована Конституционным Судом Российской Федерации в [Определении](#) от 6 марта 2008 года N 428-О-П. Эта позиция в принципиальном плане распространяема и на досмотр в местах содержания под стражей.

1.3. В жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации Р.Р. Идиятдинов ставит вопрос о личном досмотре адвоката, в то время как [часть шестая статьи 34](#) Федерального закона "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений" предусматривает досмотр вещей и одежды при входе и выходе с территорий мест содержания под стражей. Из представленных заявителем судебных решений следует, что факт осуществления в его отношении личного досмотра установлен не был; каким-либо образом переоценивать выводы судов о фактических обстоятельствах Конституционный Суд Российской Федерации не имеет оснований. Это, однако, не препятствует рассмотрению настоящего дела, поскольку вопрос об оформлении оснований проведения, о фиксации хода и результатов досмотра имеет конституционно-правовое значение применительно как к личному досмотру адвоката, так и к досмотру его вещей и одежды.

В [Определении](#) от 6 марта 2008 года N 428-О-П Конституционный Суд Российской Федерации высказал позицию, согласно которой недопустимо произвольное проведение личного досмотра адвоката, осуществляющего юридическую помощь осужденному к лишению свободы, без достаточных фактических оснований, свидетельствующих о его намерении пронести на территорию исправительного учреждения запрещенные предметы, и без принятия администрацией исправительного учреждения мотивированного решения о проведении личного досмотра и письменной фиксации хода и результатов соответствующих действий.

В связи с этим содержащиеся в настоящем Постановлении правовые позиции во всяком случае не могут расцениваться как допускающие возможность личного досмотра вне установленных законом оснований.

1.4. В силу [пункта 3 части 1 статьи 27.1](#) и [статьи 27.7](#) КоАП Российской Федерации личный досмотр и досмотр вещей, находящихся при физическом лице, являются мерами обеспечения производства по делу об административном правонарушении и при необходимости осуществляются в целях обнаружения орудий совершения либо предметов административного правонарушения должностными лицами, указанными в его [статьях 27.2](#) и [27.3](#), в том числе сотрудниками органов и учреждений уголовно-исполнительной системы. Задокументированные результаты досмотра могут использоваться при привлечении к ответственности за передачу либо попытку передачи запрещенных предметов лицам, содержащимся в учреждениях уголовно-исполнительной системы или изоляторах временного содержания ([статья 19.12](#) указанного Кодекса).

В деле Р.Р. Идиятдинова вопрос о его привлечении к административной ответственности не ставился, а потому в настоящем Постановлении проблема соотношения досмотра, предусмотренного [частью шестой статьи 34](#) Федерального закона "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений", и досмотра, предусмотренного названными положениями указанного Кодекса, не исследуется.

1.5. Таким образом, [часть шестая статьи 34](#) Федерального закона "О содержании под

стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений" является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования на ее основе решается вопрос о необходимости письменного оформления оснований, хода и результатов досмотра вещей и одежды адвоката при посещении им места содержания под стражей для выполнения своих профессиональных обязанностей по оказанию юридической помощи подозреваемому или обвиняемому, заключенному под стражу.

2. Согласно [статье 48](#) Конституции Российской Федерации каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи; в случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно; каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения. Право на получение такой помощи закреплено также в Международном пакте о гражданских и политических правах ([статья 14](#)) и Конвенции о защите прав человека и основных свобод ([статья 6](#)).

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что право на получение квалифицированной юридической помощи признается и гарантируется в России в соответствии с Конституцией Российской Федерации и согласно общепризнанным принципам и нормам международного права в числе других прав и свобод, соблюдение и защита которых составляют обязанность государства и которые являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти и обеспечиваются правосудием ([статьи 2, 17 и 18](#) Конституции Российской Федерации). Государство, призванное гарантировать данное право, в силу [статей 21, 45 и 48](#) Конституции Российской Федерации обязано создавать и надлежащие условия гражданам для его реализации, а лицам, оказывающим юридическую помощь, включая адвокатов, - для эффективного осуществления деятельности без ущерба для их достоинства, чести и деловой репутации (постановления от 29 ноября 2010 года N 20-П, от 17 декабря 2015 года N 33-П; определения от 6 июля 2000 года N 128-О, от 8 ноября 2005 года N 439-О, от 29 мая 2007 года N 516-О-О и др.).

На необходимость дополнительных гарантий надлежащего осуществления адвокатом его профессиональной деятельности, направленных на защиту его личности и таких нематериальных благ, как честь, достоинство и деловая репутация, указывается в Основных принципах, касающихся роли юристов (приняты Восьмым конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, проходившим в августе - сентябре 1990 года в Гаване): в частности, юристу должна быть обеспечена возможность исполнять профессиональные обязанности без угроз, препятствий, запугивания или неоправданного вмешательства ([пункт 16](#)). Согласно [Рекомендациям](#) Комитета Министров Совета Европы о свободе осуществления профессии адвоката от 25 октября 2000 года N R(2000)21 должны приниматься все меры для соблюдения, защиты и развития свободы осуществления профессии адвоката без дискриминации и без неоправданного вмешательства со стороны властей или общественности, в частности в свете соответствующих положений [Конвенции](#) о защите прав человека и основных свобод; адвокаты не должны опасаться каких-либо санкций или подвергаться давлению, когда они действуют в соответствии с профессиональными стандартами.

Принятые Резолюцией 70/175 Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 2015 года Минимальные стандартные правила ООН в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы) в равной мере распространяются на учреждения, обеспечивающие изоляцию как лиц, находящихся под следствием, так и уже осужденных ([предварительное замечание 3](#)), требуют предоставления таким лицам надлежащих условий для свиданий с адвокатом ([правило 61](#)), ставят допуск посетителей в тюремное учреждение в зависимость от согласия подвергнуться досмотру, которое может быть изменено, в связи с чем администрация вправе отказать в допуске, и запрещают унижительные процедуры досмотра и допуска ([правило 60](#)), предписывают, что для

целей подотчетности тюремная администрация должна хранить соответствующие отчеты о проведенных мероприятиях с указанием их причин, лиц, их проводивших, и результатов ([правило 51](#)).

Федеральный закон от 31 мая 2002 года N 63-ФЗ "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации" предусматривает право адвоката при оказании юридической помощи беспрепятственно встречаться со своим доверителем наедине в условиях, обеспечивающих конфиденциальность, в частности в период его содержания под стражей, без ограничения числа свиданий и их продолжительности ([пункт 3 статьи 6](#)). Вместе с тем, как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, данный Федеральный закон не закрепляет неприкосновенность адвоката, не определяет ни его личную привилегию как гражданина, ни привилегию, связанную с его профессиональным статусом ([определения от 17 июля 2012 года N 1472-О](#), [от 28 июня 2018 года N 1468-О](#), [от 24 октября 2019 года N 2743-О](#), [от 27 февраля 2020 года N 322-О](#) и др.), а потому реализация названного права не означает посещения адвокатом мест содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых - каковым является следственный изолятор - без соблюдения установленных в соответствии с законом режимных требований.

Данные требования, как это вытекает из [статей 21, 22, 45 и 46](#) Конституции Российской Федерации, должны отвечать критериям правовой определенности, точности и недвусмысленности, предусматривать гарантии личной неприкосновенности и уважения человеческого достоинства, что предполагает обеспечение каждому, считающему свои права нарушенными их применением, государственной защиты, в том числе судебной.

Устанавливая и применяя режимные требования для предупреждения возможных злоупотреблений и угроз безопасности, необходимо учитывать конституционное значение квалифицированной юридической помощи, с тем чтобы возможность ее оказания не ставилась под сомнение.

3. Согласно Федеральному закону, содержащему оспариваемую норму, в местах содержания под стражей устанавливаются режимные требования, обеспечивающие соблюдение прав подозреваемых и обвиняемых, исполнение ими своих обязанностей, их изоляцию, а также выполнение задач, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации; обеспечение режима возлагается на администрацию и на сотрудников мест содержания под стражей, которые несут ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение служебных обязанностей ([статьи 15 и 32](#)).

В связи с этим Федеральная служба исполнения наказаний поддерживает правопорядок и законность в учреждениях, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы или принудительных работ, и в следственных изоляторах, обеспечивает безопасность содержащихся там осужденных, лиц, заключенных под стражу, а также работников уголовно-исполнительной системы, должностных лиц и граждан, находящихся на территориях этих учреждений и следственных изоляторов ([подпункты 1 и 4 пункта 3](#) Положения о Федеральной службе исполнения наказаний, утвержденного [Указом](#) Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 года N 1314).

К мерам по обеспечению режимных требований относится контроль (досмотр) при входе и выходе с территорий мест содержания под стражей, в том числе в целях обнаружения и изъятия - в частности у адвокатов - тех предметов, веществ и продуктов питания, которые запрещены к хранению и использованию подозреваемыми и обвиняемыми. Для обеспечения пропускного режима оборудуется проходной коридор, в котором для пресечения попыток доставки осужденным и лицам, содержащимся под стражей, оружия и других запрещенных предметов устанавливаются приборы контроля и досмотра (включая стационарные металлодетектор и рентгеноскоп), информация от которых (в том числе об обнаружении запрещенных предметов) получается и записывается интегрированной системой безопасности ([пункты 23 и 27](#) Наставления по оборудованию инженерно-техническими средствами охраны и надзора объектов уголовно-исполнительной системы, утвержденного [приказом](#) Министерства юстиции Российской

Федерации от 4 сентября 2006 года N 279).

Осуществляемый с помощью таких приборов контроль (досмотр) - как элемент пропускного режима и условие допуска посетителей на территорию учреждения уголовно-исполнительной системы - проводится, по существу, с согласия этих лиц, которые вправе отказаться от посещения соответствующего учреждения и тем самым от прохождения такого контроля (досмотра). Поскольку такой контроль (досмотр) рассчитан как на вход, так и на выход посетителей, они во всяком случае должны осознавать, что к ним и при выходе применяются специальные средства контроля. Входя на контрольно-пропускной пункт, посетители конклюдентно дают согласие и на последующий, осуществляемый при выходе с территории, аналогичный по содержанию и средствам контроль (досмотр). Основанием для данной административно-предупредительной меры является сам факт прохождения контрольной зоны (контрольно-пропускного пункта).

Таким образом, режимные требования направлены на защиту общего (публичного) интереса, выступают условием поддержания правопорядка и безопасности подозреваемых и обвиняемых, персонала, должностных лиц и граждан, включая адвокатов, находящихся на территории следственного изолятора. Как таковые по своей природе эти меры, в том числе применяемые к лицам в связи с выполнением ими профессиональных обязанностей, не носят характер санкций.

В отношении контроля (досмотра) адвокатов при проходе на охраняемый объект Конституционный Суд Российской Федерации в прежних решениях отметил следующее. Досмотр судебным приставом входящего в здание суда адвоката и находящихся при нем вещей при наличии оснований полагать, что у того есть предметы, вещества и средства, представляющие угрозу для безопасности окружающих, не может рассматриваться как несоразмерное ограничение прав, а адвокат не лишен возможности самостоятельно предъявить судебному приставу для осмотра находящийся в его вещах предмет, на который среагировали специальные технические средства ([Определение](#) от 24 октября 2019 года N 2940-О). Пункт же [25 части 1 статьи 13](#) Федерального закона от 7 февраля 2011 года N 3-ФЗ "О полиции", закрепляющий право полиции требовать от граждан соблюдения пропускного и внутриобъектового режимов на охраняемых ею объектах, осуществлять досмотр и осмотр граждан, осмотр находящихся при них вещей, направлен на защиту общественного порядка, безопасности, нравственности, на устранение опасности для жизни, здоровья и имущества людей и с учетом ранее выраженных правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации не допускает произвольного применения и не создает непреодолимых препятствий для оказания адвокатом юридической помощи ([Определение](#) от 26 марта 2019 года N 838-О).

Направляясь для выполнения своих профессиональных обязанностей на территорию следственного изолятора, адвокат при прохождении контрольно-пропускного пункта также обязан предъявить сотрудникам этого учреждения по их требованию для осмотра находящийся в его вещах или одежде предмет, на который среагировали специальные технические средства или который замечен визуально и обладает признаками предмета, запрещенного к проносу. Такое требование не обязательно связано с подозрением в попытке проноса запрещенных предметов: оно может быть продиктовано, например, неопределенностью сигналов (изображений), генерируемых техническими средствами. При этом, если такое требование предъявляется непосредственно на контрольно-пропускном пункте и не встречает возражений у адвоката, нет оснований рассматривать его как выходящее за пределы обычного прохождения контроля (досмотра) с использованием технических средств при входе в следственный изолятор или выходе из него.

Соответственно, необходимость письменной фиксации оснований и хода такого контроля (досмотра) возникает только в случае обнаружения предметов, запрещенных к вносу на территорию учреждения или выносу с нее, поскольку это может повлечь для лица неблагоприятные правовые последствия, в том числе ответственность на основании закона.

4. Иную правовую природу в системе действующего регулирования имеет предусмотренный оспариваемым положением досмотр вещей и одежды адвоката, который осуществляется в связи с

подозрением в попытке проноса им запрещенных предметов, веществ и продуктов питания. Это подозрение может возникнуть по результатам контроля с помощью технических средств при входе на режимный объект (при выходе с него), путем визуального наблюдения, а также на основе другой информации, причем как непосредственно при прохождении контрольно-пропускного пункта, так и в других помещениях следственного изолятора. Такой досмотр может проводиться и вне зависимости от согласия досматриваемого.

У адвоката в этом случае может не быть альтернативы: подвергнуться досмотру и продолжить посещение учреждения или отказаться от прохождения досмотра и покинуть его. В частности, за передачу либо попытку передачи запрещенных предметов лицам, содержащимся в учреждениях уголовно-исполнительной системы или изоляторах временного содержания, предусмотрена административная ответственность ([статья 19.12 КоАП Российской Федерации](#)). Предоставление лицу, заподозренному в попытке проноса такого предмета, возможности беспрепятственно и без последствий покинуть следственный изолятор создавало бы риск злоупотреблений и безнаказанности. Досмотр при наличии подозрений при выходе адвоката из следственного изолятора (т.е. после завершения встречи с подозреваемым, обвиняемым) также в любом случае обязателен и не предполагает возможности адвоката решать, проходить такой досмотр или нет, поскольку он после выполнения профессиональной задачи должен покинуть изолятор.

Во всяком случае предъявление к адвокату требования о досмотре вещей и одежды вне помещений, непосредственно предназначенных для контрольно-пропускных целей, т.е. когда обычное прохождение контроля (досмотра) с использованием технических средств (на входе) уже завершено или (в случае выхода) еще не началось, лежит за пределами обычного прохождения контроля (досмотра) с использованием технических средств.

Таким образом, предусмотренный оспариваемой нормой досмотр вещей и одежды в связи с наличием достаточных оснований подозревать адвоката в попытке проноса запрещенных предметов, веществ и продуктов питания реализуется - по содержанию и форме - за пределами обычного прохождения контроля (досмотра) с использованием технических средств при посещении следственного изолятора и характеризуется безальтернативной обязанностью адвоката выполнить соответствующее требование уполномоченного сотрудника, в том числе под угрозой принуждения или ответственности. Следовательно, в данном случае в целях защиты прав адвокатов должна быть предусмотрена возможность фиксации оснований, хода и результатов такого досмотра.

5. Особые требования к документированию личного досмотра адвоката, выявленные Конституционным Судом Российской Федерации в Определении от 6 марта 2008 года N 428-О-П, обусловлены спецификой этого вида досмотра. Степень же вторжения в права лица при проведении только досмотра вещей и одежды предполагается менее высокой, чем при личном досмотре.

Это позволяет досматривать вещи и одежду без вынесения специального решения и без фиксации оснований, хода и результатов досмотра, если адвокат, как и в рамках обычного порядка входа-выхода, сам предъявит вызвавшие подозрение предметы. Однако - исходя из повышенных гарантий защиты статуса адвоката - он не должен быть лишен возможности потребовать документальной фиксации досмотра вещей и одежды, осуществляемого в связи с подозрением его в попытке проноса запрещенных предметов, веществ и продуктов питания. В данном случае надлежащее оформление досмотра должно быть произведено. Возможность такого требования позволяет адвокату, в частности, реагировать на случаи, когда досмотр может, по его предположению, трансформироваться из досмотра вещей и одежды в личный досмотр безотносительно к наличию для этого правовых оснований.

Поскольку в современных условиях можно рассчитывать на то, что объекты уголовно-исполнительной системы оснащены средствами постоянной видеофиксации происходящего (в том числе с помощью стационарных видеокамер или носимых видеорегистраторов), альтернативой письменному документированию может быть хранение

видеозаписи досмотра вещей и одежды - как минимум в течение срока на судебное обжалование законности такого досмотра - и предоставление ее копии адвокату по его требованию в течение данного срока. Если адвокат соглашается с этой альтернативой или сам предлагает ее, такой способ фиксации оснований, хода и результатов досмотра может быть признан достаточным.

Со своей стороны федеральный законодатель не лишен возможности более подробно урегулировать проведение досмотра в отношении лиц, посещающих места содержания под стражей.

6. Проведенный в отношении Р.Р. Идиятдинова досмотр не повлек для него таких негативных правовых последствий, для устранения которых могли бы требоваться документы об основаниях, ходе и результатах досмотра. Поэтому Конституционный Суд Российской Федерации в соответствии с [пунктом 10.1 части первой статьи 75](#) Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" полагает возможным признать, что дело Р.Р. Идиятдинова не подлежит пересмотру.

Исходя из изложенного и руководствуясь [статьями 6, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100](#) Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации

постановил:

1. Признать [часть шестую статьи 34](#) Федерального закона "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений" не противоречащей Конституции Российской Федерации, поскольку - по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования - в части досмотра вещей и одежды адвокатов при посещении места содержания под стражей в целях оказания юридической помощи подозреваемым или обвиняемым она предполагает, что:

при таком досмотре, который в связи с подозрением в попытке адвоката пронести запрещенные предметы, вещества и продукты питания проводится за пределами обычного прохождения контроля (досмотра) с использованием технических средств при входе в место содержания под стражей и выходе из него, **по требованию адвоката должна осуществляться письменная фиксация оснований, хода и результатов соответствующих действий;**

при наличии видеозаписи досмотра вещей и одежды адвоката соответствующие записи должны сохраняться вне зависимости от требования адвоката как минимум в течение срока на судебное обжалование законности такого досмотра, а их копии должны предоставляться адвокату по его требованию в течение этого срока.

2. Конституционно-правовой смысл [части шестой статьи 34](#) Федерального закона "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений", выявленный в настоящем Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное ее истолкование в правоприменительной практике.

3. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

4. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному [опубликованию](#) в "Российской газете", "Собрании законодательства Российской Федерации" и на "Официальном интернет-портале правовой информации" (www.pravo.gov.ru).

Конституционный Суд
Российской Федерации